

Проблема смерти и бессмертия человека в творчестве М.Монтеня

Макаренко В., Южный федеральный университет,
Ростов-на-Дону
vpmakar1985@gmail.com

Аннотация: В статье показано, что философия Мишеля Монтеня может рассматриваться как попытка формулировки в рамках светской этики принципов и оснований героического отношения человека к смерти. Надежды человека, которые выходят за рамки его актуального и смертного существования, необоснованны. Не существует таких потенций, которые могут реализоваться в будущем. По мнению автора научного текста, послышки философии Монтеня не могут рассматриваться как собственно философские, поскольку человек описывается в категориях, отражающих его эмпирическое бытие. Действительность вне отношения человека к ней не обладает никакой ценностью. Действительность – это сфера существования такого добра и зла, которое постигнуто и воплощено человеком. Земная жизнь – единственная реальность человеческого бытия. Также изучение философии М.Монтеня показывает, что концепция карнавального мировоззрения как атрибута народной культуры средневековья и Возрождения, сформулированная М.Бахтиным, нуждается в дополнительных аргументах. То, что М.Бахтин приписывает народной культуре, вполне можно обнаружить в текстах образованных людей того времени. Правда, аргумент «от Монтеня», видимо, значим в той степени, в которой мы изучаем его творчество с философской точки зрения. Если «Опыты» рассматривать как художественное произведение – они вполне подтверждают концепцию М.Бахтина.

Ключевые слова: М.Монтень, проблема смерти и бессмертия человека, культура средневековья, опыт мышления, М.Бахтин, карнавальная культура

Постановка проблемы

Наш способ мышления о смерти произведен от нашего отношения к жизни. И наоборот: не существует таких вопросов человеческой жизни, анализ и решение которых невозможно связать с проблемой смерти.

В повседневной жизни и в обыденном сознании эта взаимосвязь фиксируется с трудом. Обычно человек осознает и понимает жизнь как *противоположность* смерти. Отсюда вытекает ряд следствий, значимых для отношения человека к жизни. Все ее ценности возникают на почве протеста человека против смерти. Все ценности жизни есть отрицание смерти. Страх человека перед смертью – это страх перед возможностью утраты данных ценностей. Человек убежден, что смерть есть отрицание жизни. Человек тратит значительные усилия для элиминации смерти из повседневной жизни и сознания.

Такое отношение к смерти имеет солидную традицию. Европейская мысль Нового времени с разных сторон обосновывала идею господства человека над

природой. Отсюда следовало, что человек может освободиться от естественных процессов и преодолеть их. Эта идея глубоко укоренилась в традицию. В наше время она стала еще более резко выраженной и интенсивной.

Нетрудно заметить, что составной частью данного представления является враждебное отношение человека к природе. Отсутствие доверия к природе, теоретически обоснованное и практически воплощенное, способствует *противостоянию* человека фундаментальным основам его существования. Они противоречат идее о главенствующей роли человека в мире природы. Человек не может и не хочет признать себя элементом природы. Явно и тайно он полемизирует с мыслью о том, что его жизнь – лишь мгновение природных процессов. Отсюда вытекает укоренившаяся в повседневное бытие человека невозможность положительного отношения к смерти. Смерть разрушает всю систему представлений о смысле жизни, отрицает возвышенные взлеты и горные вершины человеческой мысли, уравнивает добрых и злых, мудрых и глупцов, сводит человека лишь к *разнообразности* живых существ. Понять, положительно оценить и принять эти выводы для человека мыслящего трудно.

Развитие науки и техники в XX в. стало предпосылкой бессознательно нарастающей надежды на то, что в конечном счете смерть можно преодолеть как рубеж нашего существования. Эта надежда поддерживается прогрессом медицины. Успешная борьба со многими болезнями, трансплантация органов, совершенствование возможностей реанимации, постепенно приобретающая ясные очертания возможность управления генами и наследственностью, лабораторное выведение гомункулуса и тому подобные события и процессы, усиленные средствами массовой информации, - все это является питательной почвой для убеждения: управление процессами жизни и смерти есть *техническая* проблема, которую можно разрешить если не сегодня, то завтра.

Разумеется, эти взгляды не формулируются прямо, ясно и однозначно. Но они легко угадываются в подтексте дискуссий врачей, генетиков и этиков по проблеме жизни и смерти. Знакомство с медицинским персоналом убеждает в том, что отношение к смерти как к *случайности*, обусловленной отсутствием необходимых лекарств, препаратов и медицинской техники или ошибками медицинских работников, - распространенный стандарт мысли врачей и пациентов. Даже в медицинских учреждениях смерть стала нежелательным явлением. Клиники в отчетах стремятся показать как можно меньшее число смертных случаев или смертельных исходов болезни. При малейшей возможности умирающие отделяются от живых людей ширмой или изолятором. Никто из медицинского персонала не готовится для контактов с умирающим человеком.

Однако опыт смерти и умирания – древнейший опыт человечества. Но этот опыт всегда, в той или иной степени, игнорируется, нейтрализуется и вытесняется из сознания. В лучшем случае он становится предметом религиозных размышлений. Стало быть, человек любыми доступными средствами стремился отбросить ту *часть своего существования*, избежать которой не удалось никому. Только человек знает о том, что он смертен. Но он упорно игнорирует это знание, стремится вытолкнуть его на периферию сознания. Стоит ли говорить о том, какие грандиозные системы иллюзий создавались с целью скрыть этот неизбежный факт нашей жизни и не менее

достоверное знание о нем?

Разнообразные представления о бессмертии – продукты данных иллюзий. Речь идет о религиозных, философских и мировоззренческих представлениях о бессмертии. Нетрудно обнаружить их общую предпосылку: актуальная жизнь человека есть только *переход* в другую форму жизни (вечная жизнь в раю или в аду, социальная жизнь в памяти поколений и т.д.). Не исключено, что протест против смерти – необходимый мотив создания иллюзий о бессмертии человека. Последние зачастую определяют смысл всех человеческих действий и жизни в целом. Постоянный, сознательный или бессознательный протест против смерти может рассматриваться как постоянный компонент человеческой культуры.

Степень материального и духовного развития – основа создания представлений о бессмертии, характерных для конкретного этапа развития человечества. В эпоху средневековья надежда на вечную жизнь концентрировалась в представлении о боге. Средневековое представление о бессмертии понятно и логично на фоне доминирования религии в жизни и культуре общества. Действия, поведение, прошлая, настоящая и будущая жизнь человека ставились в прямую связь с верой в Иисуса Христа¹. Но связь эта было сложной и неоднозначной.

Вера в бессмертие выступала в единстве с такими действиями человека, которые ее *отрицали*. Христианское представление о смерти воплотилось в чрезвычайно жизненных и полнокровных художественных образах средневековых мистерий и искусства. В художественных образах смерти ярко представлены все ужасы разложения. Обнаженные трупы выписаны с леденящей кровью достоверностью: предсмертные судороги, трупные окоченения, гниль и жирные черви, пожирающие то, что осталось от человека. Ужасный образ смерти – главный элемент Танца Смерти, родиной которой была Франция.

Стало быть, презрение к жизни – необходимый элемент средневекового сознания. Жизнь – это предмет страха и боязни. Страх перед жизнью способствовал отрицанию наслаждений, счастья и красоты. Все радости жизни отождествлялись с печалью и страданием. Страх перед жизнью выражался в живых и непосредственных образах смерти. Реализм художественных образов смерти – продукт обесценивания жизни как предмета стремлений человека, предмета художественного изображения и поэтизации смерти.

Однако даже сильная вера в бога не могла быть надежным средством предотвращения страха, связанного с потерей жизни. В сознании средневекового человека своеобразно воплотилось неоднозначное отношение к смерти: вера в бессмертие оказалась связанной со страхом перед смертью. Образ бренности всего существующего, постоянный призыв «*Memento mori*» вошел в повседневную жизнь и быт средневекового человека. Изображения смерти можно было увидеть во дворце короля и вельможи, в доме купца и ремесленника. Бродяги, нищие и поэты постоянно напоминали о неизбежности смерти.

Фундаментальное изменение способа осознания и видения мира произошло в

---

¹ См.: Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. М.: 1972.

ХУ1 в. М.Бахтин показал основные элементы этого изменения². Средневековый образ мира был построен иерархически, в котором верх и низ обладали абсолютным значением и были абсолютными ценностями. Этот образ обуславливал вертикальное движение к высшему, т.е. лучшему, или падение к низшему – т.е. худшему. Основное свойство времени в данном образе мира – вневременная вечность.

В культуре Ренессанса произошло изменение представлений о мире. Идея вертикального устройства мира была заменена идеей его горизонтального, плоскостного строения. Изменение представлений о строении мира включало в свой состав изменение представлений о времени. Человеческое тело обрело статус центра космоса. Движение этого центра происходило уже не снизу вверх или сверху вниз, а вперед, по горизонтальной плоскости времени – из прошлого через настоящее в будущее.

Человек Ренессанса существует в реальном пространстве и в конкретном историческом времени. Он существует не в вечности, а находится на горизонтальной плоскости времени. Предметы, явления, процессы и ценности группируются вокруг человека как нового центра космоса.

Это направление мысли отразилось в сочинениях Пико делла Мирандолла, Помпонацци, Парацельса, Телезио, Ванини, Бруно, Кампанеллы. В трудах указанных мыслителей человек рассматривается во взаимосвязи с космосом. Главный аргумент при доказательстве данной взаимосвязи – телесное и духовное *единство* человека и универсума. Универсум, космос находится в человеке. Человек как микрокосмос есть зеркало универсума-макрокосмоса. Универсум ощущается человеком как родительский дом, в котором нет места для страха.

М.Бахтин считает, что это мировоззрение отразилось наиболее полно в романе Ф.Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль» и называет его карнавальческим мировоззрением. В его рамках смерть включается в целостность жизни как необходимый элемент, предпосылка и условие постоянного возрождения жизни. В народной культуре Ренессанса смерть всегда поставлена в связь с рождением, могила есть образ вечно порождающего лона земли. Весь мир осознается как вечно беременная женщина, порождающая жизнь и смерть одновременно.

Смерть вплетается в ритм природы и не осознается уже как разложение и превращение в прах. Смерть становится моментом новой жизни, предпосылкой и условием рождения. В свою очередь бессмертие оказывается связанным с телом и с земной жизнью. Телесное рождение и телесная жизнь – единственная форма бессмертия, доступная человеку. Старость расцветает в молодости – и наоборот. Каждый новый этап развития культуры рассматривается как передача ценностей предшествующих поколений.

Стало быть, продуктивность концепции М.Бахтина состоит в том, что она позволяет конкретно изучать множество проблем, связанных с *трансформацией сознания и мировоззрения* на переломе средневековья и Ренессанса. Конкретно-историческое исследование сознания и культуры может продвинуть изучение вопроса

---

² См.: Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и ренессанса. М.: 1965.

об универсальности принципа интеграции человека с разумным космосом, порядком и гармонией универсума. Сохранял ли этот принцип значимость в мышлении, сознании и поведении *каждого человека*? В какой мере карнавалическое мировоззрение было продуктом народной, а в какой степени – продуктом официальной культуры?

Представление о бесконечном и гармоничном космосе пробивало себе дорогу с трудом, вызывало не только удивление, но и страх. Бруно не пожелал отречься от этого взгляда и был сожжен на костре. Конечно, смерть Бруно можно рассматривать как следствие обычной нетерпимости церкви, которая рассматривала как ересь взгляды, противостоящие официальным догматам. Но изменение сознания, модификация мировоззренческих представлений происходит чрезвычайно медленно. Маркс показал, что изменения в базисе можно зафиксировать с «естественнонаучной точностью», тогда как изменения форм сознания с такой степенью точности зафиксировать нельзя. Сознание не поспевает за изменением экономической и политической структуры общества. Эта закономерность была открыта только в XIX в. Нет оснований отрицать, что ее можно использовать при анализе трансформаций сознания на рубеже средневековья и Ренессанса. В этом смысле причину гибели Бруно можно усмотреть также в страхе его современников перед представлением о бесконечном мире, в котором человек – только песчинка. Нет оснований отрицать, что вера в космическое бессмертие индивида может быть связанной со страхом перед бесконечностью мира.

Прекрасный и возвышенный образ гармонического единства человека и мира был *продуктом размышлений рафинированных умов эпохи*, способных к абстрактному мышлению. Для большинства людей это представление не могло быть надежным средством для борьбы со страхом перед смертью. Религиозное утешение, магия и повседневное забвение оставались основными средствами борьбы человека с непостижимым явлением смерти.

Изучением некоторых аспектов поставленной проблемы обусловило выбор материала для исследования. Предметом данной статьи является анализ взглядов одного из рафинированных умов французского Возрождения на проблему смерти и бессмертия человека.

Метод философствования

Основным трудом Монтеня являются «Опыты». В них можно обнаружить богатый эмпирический материал, содержащий описание поведения людей перед смертью. В значительной мере этот материал Монтень почерпнул из сочинений древних и современных ему авторов, которых он читал и изучал. Его скептицизм формировался по мере изучения трудов множества «философских тупиц и болванов», произвольно конструирующих свои системы и не замечающих непоследовательности и противоречивости собственных воззрений.

Исходный пункт размышлений Монтеня – непосредственное описание действительности. Мир и события в его сочинениях представлены так, как он их увидел. Монтень описывает события, участником и свидетелем которых он был, людей, которых он знал, рутину повседневных дел, мелких страстей и банальных мыслей современников. Однообразная, хотя и пестрая, мозаика человеческой жизни и мысли, становится для Монтеня материалом, изучение которого позволяет ему сделать

выводы, значимые для понимания человека и человеческой природы.

Непосредственное описание человеческой жизни и мысли Монтень противопоставляет философскому методу исследования действительности. Описание конкретных ситуаций и анализ поведения человека в данных ситуациях – основной материал «Опытов» и одновременно главный метод исследования, присущий Монтеню. Даже беглое знакомство со *способом организации* материала его труда наталкивает на мысль о том, что Монтень сознательно стремился избежать упрека в систематичности и последовательности своих взглядов, поскольку всякая «устойчивая мыслительная конструкция» сомнительна. Переход от одной темы к другой, сознательное смешивание разнообразных сюжетов, событий и размышлений о них, стремление избежать высказывания окончательных суждений – таков стиль философствования Монтеня.

Поэтому исследователь Монтеня находится перед специфической трудностью: любая попытка систематизации того, что вышло из-под его пера, неизбежно становится *деформацией* его взглядов, обусловленной трудностью реконструкции множества точек зрения, которые использует Монтень при анализе действительности. А.Х.Горфункель отмечает, что основу гуманистической мысли второй половины XVI в. «...составляют не ученые занятия эрудитов, а свободные от подчинения всякой, в том числе и античной, традиции размышления о природе человека. Характерно, что гуманизм этой эпохи связан не столько с учеными занятиями, сколько с литературным творчеством»³. Здесь мы лишь поставим проблему репрезентативности философских принципов систематизации взглядов Монтеня по отношению, скажем, к эстетико-художественному способу воспроизведения манеры философствования Монтеня, но заниматься ею не будем.

Описание разнообразных ситуаций, в которых оказывается и может оказаться человек, является для Монтеня основанием *различения* между тем, что есть в действительности, и тем, что кажется человеку. Независимо от изложения той или иной темы, мысль автора «Опытов» направлена на достижение одной и той же цели: познания самого себя. Данное познание является прежде всего *негативным*. Его специфика заключается в открытии и демаскировке иллюзий, которые создает и которым подвержен человек. По Монтеню, познание самого себя есть стремление к бессознательным, но *постоянным* структурам человеческой жизни и мысли. Философия должна добывать знание, скрытое от повседневных мнений и обыденных взглядов людей. Человек может достичь самосознания только с помощью парадоксального «знания незнания». Поэтому идеалом философа и способа философствования для Монтеня был Сократ. Незнание – тяжелая разновидность знания. Признание в незнании требует мужества. Большая часть зла в мире обусловлена боязнью людей открыто признаться в своем незнании. Они вынуждены считать истиной все, что не в состоянии опровергнуть. На этой почве возникают ложные взгляды и иллюзии. Пирронизм – эффективное средство достижения негативного знания. Внутренняя независимость и искренность человека – основное условие философского познания действительности.

---

³ Горфункель А.Х. Философия эпохи Возрождения. М.: 1980, с.202.

Смерть как объект анализа

В совокупности человеческого опыта смерть занимает особое положение. Человек стремится освободиться от естественных связей с природой. Это стремление порождает мир иллюзий человека. Высокомерие, самомнение, страх и страдание – неизбежные атрибуты мира человеческих иллюзий и специфических свойств человеческой природы. Данные свойства мешают человеку познать действительное положение вещей.

Факт смерти и осознание данного факта дают возможность человеку достичь знания о собственном незнании, о неосознанных механизмах поведения человека. Но живущий не обладает непосредственным опытом смерти. Поэтому человеку трудно определить, что такое смерть на самом деле. «Кто знает, не является ли жизнью то, что называют смертью, а то, что называют жизнью, не является ли смертью», - спрашивал уже Эврипид.

Исключительность и одноразовость опыта непосредственного умирания – специфическая характеристика человеческих представлений о смерти. В главе «Об упражнении» Монтень указывает, что упражнения пригодны для подготовки к действиям различного вида. Но упражнение ничем не может помочь в смерти. А между тем смерть – наиболее важная задача человека. С помощью упражнения и тренировки человек может закалиться и противостоять страданию, позору, нищете. Но невозможны упражнения и тренировка в смерти. Она приходит единственный раз и постичь ее науку человек никогда не в состоянии. В течение жизни мы не можем чувствовать смерть непосредственно. Поэтому познание смерти возможно с помощью аналогии. Состояния сна и потери сознания склоняют к мысли: агония не является неприятным ощущением, как принято считать. Агония аналогична сладкому сну и другим состояниям потери или «засыпания сознания». Стало быть, нет оснований считать смерть лишь неприятным ощущением.

На протяжении всей своей жизни Монтень занимался авторефлексией. Болезнь почек постоянно напоминала ему об опасности смерти. Осознание этой опасности четко просматривается в тексте «Опытов» и позволяет заключить, что мысль о смерти была *постоянной мыслью* Монтеня и способствовала изучению влияния боли части тела на организм в целом и на сознание. Постоянная боль, упоминания о которой встречаются на протяжении всех трех томов «Опытов», дала основание Монтеню настолько «освоиться» с мыслью о смерти, что он подверг сомнению все узы, связывающие человека с жизнью. Монтень бесстрастно наблюдает признаки собственного умирания, т.е. непрерывного процесса старения. Процесс старения охватывает изменения в организме, в восприятии окружающей действительности, в изменении способа понимания жизни в целом. Описание жизни тем самым становится описанием процесса умирания, движения к смерти.

Личная жизнь Монтеня воплотилась в его творчестве. Поэтому можно полагать, что смерть была важным переживанием его жизни. Единственным другом Монтеня был Этьен де ла Боэций, всесторонне образованный гуманист, переводчик Плутарха и Ксенофонта, автор сонетов и социально-политических трактатов. Он умер от тяжелой заразной болезни. Монтень не оставял друга до самой последней минуты. После смерти друга образовалась пустота. Монтень старается заполнить ее писательством.

«Опыты» - это продолжение разговора с умершим другом.

Явления и образы смерти сопутствуют Монтеню на всем протяжении его жизни. Еще одним важным источником размышления о человеке и о смерти послужили для Монтеня жестокости гражданской войны во Франции XVI в. Борьба католиков с гугенотами, костры, ставшие повседневностью и нормой жизни, на которых сжигали еретиков «к вящей славе божией», набеги свирепствующих банд, - вся повседневная практика гражданской жизни не способствовала ни безопасности, ни личной независимости. Один неверный шаг или слово могли стоить жизни.

Монтень хорошо осознавал множество возникающих опасностей. Но он не примкнул ни к одной из соперничающих религиозно-политических группировок и не стремился найти в них защиту от опасностей, подстерегающих одинокого человека. По Монтеню, признаком свободы и непредвзятости мышления является терпимость по отношению к различным, в том числе противоположным, взглядам. Терпимость по отношению к людям и их взглядам – фундамент человеческого существования вообще. Монтень снимает всякую охрану своего замка, полагая, что наиболее эффективным средством уцелеть в бесконечной гражданской войне является беззащитность. Приятели и знакомые Монтеня принадлежали к разным религиозно-политическим группировкам, но все они находили в его замке пристанище и убежище. На первый взгляд, эти факты свидетельствуют о политическом индифферентизме Монтеня. Однако «...в пору гражданских («религиозных») войн во Франции XVI в. не примкнуть ни к одному из враждующих лагерей (гугенотов-реформаторов и сторонников крайне католической реакции) значило оказаться на стороне национальных интересов Франции. Позиция эта требовала незаурядного мужества и политической прозорливости»⁴.

Нет оснований отрицать, что постоянное зрелище публичной смерти, которую Монтень наблюдал на протяжении всей жизни, образовала наиболее значимый источник его размышлений о человеке, человеческой жизни и смерти. Все содержание «Опытов» свидетельствует, что Монтень принимал близко к сердцу жестокости гражданской войны. Он не смог привыкнуть, подобно другим, к зрелищу убийств и человеческих трупов. На страницах своего труда он постоянно протестует против бессмысленно проливаемой крови. «Апология Раймунда Сабундского» посвящена обоснованию скептицизма как способа философствования. Но в конкретно-исторической обстановке Франции второй половины XVI в. она выполняла роль пропагандистского сочинения, направленного на достижение действительной духовной революции враждующих религиозно-политических группировок. «Апология Раймунда Сабундского» стала началом длинного списка произведений-протестов против жестокостей религиозных войн.

В гражданской войне соотечественники уничтожают друг друга. Гражданская война – это зараза, охватывающая все и вся. В ней нет ни победителей, ни побежденных, но есть смерть, жестокости, голод, хаос и падение самых элементарных норм человеческого общежития. По определению Монтеня, гражданская война есть форма разложения общества от яда, выработанного самим обществом. Монтень не

---

⁴ Горфункель А.Х. Указ.соч., с.203

может согласиться с бессмысленной и жестокой смертью людей в гражданской войне. Однако его протест против смерти не является протестом против естественной необходимости смерти, а протестом против социального варварства.

Отношение человека к смерти

неоднозначно. Человек *знает*, что неизбежно умрет. Но человек постоянно смешивает данное знание с надеждой на то, что каким-либо образом ему удастся избежать смерти. Вера в бессмертие тоже не является абсолютной, поскольку она постоянно смешивается со страхом перед смертью. Человеку трудно жить в постоянном страхе перед абсолютным исчезновением. Но не менее трудно ему поверить в свою жизнь после смерти. Поэтому жизнь – это арена борьбы человека со смертью. Постоянный протест против смерти обуславливает жизненность и динамизм человеческой мысли. Даже в наиболее нейтральных проявлениях человеческая мысль направлена против смерти.

Цели человека выходят за рамки бренной жизни. Человек удивительно постоянен в создании иллюзий о том, что его жизнь и дела абсолютны и вечны. Но эти убеждения рушатся на почве повседневной практики, порождающей мысль о бессмысленности, суетности и бренности всех усилий человека. Человек стремится к бессмертию и в то же время знает, что оно недостижимо. Направленная против действительности мысль не может найти в ней подтверждения. В конечном счете человек впадает в противоречие с самим собой: зная, что неизбежно умрет, он ведет себя так, как будто этого никогда не случится. Тем самым человеческая мысль *несоизмерима* с человеческой действительностью.

Фундаментальное противоречие *мышления и действия* особенно четко просматривается на фоне отношения человека к миру в целом. Человек выделяет и отличает себя от природы. Определение своей *сущности* человек ищет в данном отличии. Поиск определения человеческой сущности наталкивается на естественную преграду смерти. Мыслящий, действующий и отличающийся от всех продуктов природы человек умирает подобно всем остальным продуктам природы. Такая ситуация является непонятной, иррациональной, парадоксальной и нуждается в объяснении.

Монтень описывает формы проявления данного противоречия и стремится найти выход из него.

Все люди согласны в том, что счастье – основная цель человека. Но смерть – не менее важная и значимая цель человеческой жизни. Смерть – неизбежный предмет стремлений человека, хочет он того или не хочет. Если смерть ужасает человека, то как он может без страха и содроганий идти к своей кончине?

Человек стремится к счастью, но действительная цель его жизни независима от этого стремления. Никто не стремится к смерти, но смерть – неизбежный предмет стремлений любого человека. Люди стремятся к счастью вопреки неопровержимому опыту человеческих поколений. Этот опыт подтверждает, что смерть – действительная цель человеческих стремлений. Человек не может найти выхода из данного противоречия и потому порождает и впадает в новые противоречия. То, что имеет своей целью преодоление страха, порождает еще больший страх. Порочный круг –

неизбежный результат и правило человеческой рефлексии о жизни и смерти.

Непосредственное наблюдение состояний страха позволяет Монтеню сделать вывод о том, что чувство страха лишает человека разума, нарушает естественное равновесие чувств, приводит к неожиданным и парадоксальным реакциям, становится источником неестественной и преувеличенной смелости. Страх лишает людей сознания и возможности ориентироваться в ситуации. Поэтому страх более мучителен и несносен, чем сама смерть. Страх – продукт отрицательного отношения человека к естественным условиям своего существования.

Преодоление сознания смерти обусловлено несогласием человека в отношении жизни. Если он не согласен со своей смертью, то тем самым он отрицает и жизнь. Отрицание смерти тождественно отрицанию жизни. Смерть – необходимый элемент жизни. Если она отрицается человеком, то создается почва для разнообразных форм ложного сознания, под покровом которых скрывается смерть. Страх перед смертью возникает на иррациональной основе, но становится предметом специфической *рационализации*. Окончательно преодолеть страх перед смертью невозможно. С помощью разума человек стремится преодолеть страх. Каковы наиболее характерные формы такого преодоления, в которых отражается отношение человека к смерти?

Бессмертие как тотальная иллюзия и конкретные формы ее проявления

Если смерть поражает восприятие и ужасает человека, то первая и наиболее распространенная реакция на факт смерти состоит в *желании забыть о смерти*. Такое желание есть способ добровольного бегства человека в незнание. В этом и заключается «лекарство» большинства людей от смерти: не думать о ней. Люди пугаются самого слова «смерть» и стремятся избежать его употребления в его различных модификациях: «Они страшатся назвать смерть по имени, и большинство из них при произнесении кем-нибудь этого слова крестится так же, как при упоминании дьявола. И так как в завещании необходимо упомянуть смерть, то не ждите, чтобы они подумали о его составлении прежде, чем врач произнесет над ними свой последний приговор; и одному богу известно, в каком состоянии находятся их умственные способности, когда, терзаемые смертными муками и страхом, они принимаются, наконец, стряпать его.

Так как слог, обозначающий на языке римлян «смерть», слишком резал их слух, и в его звучании им слышалось нечто зловещее, они научились либо избегать его вовсе, либо заменять перифразами. Вместо того, чтобы сказать «он умер», они говорили «он перестал жить» или «он отжил свое». Поскольку здесь упоминается жизнь, хотя бы и завершившаяся, это приносило им известное утешение»⁵.

Люди стремятся устранить из своего сознания мысль о собственной смерти, а само это событие откладывают в далекое и неопределенное будущее. «Люди снуют взад и вперед, топчутся на одном месте, пляшут, а смерти нет и в помине. Все хорошо, все как нельзя лучше. Но если она нагрянет, - к ним ли самим или к их женам, детям, друзьям, захватив их врасплох, беззащитными, - какие мучения, какие вопли, какая ярость и какое отчаянье сразу овладевает ими!»⁶.

⁵ Монтень М. Опыты. Кн.1-2. М.: 1979, с.79

⁶ Там же, с.81

Но животная, звериная беззаботность по отношению к смерти слишком дорого обходится человеку, подавленное чувство и состояние страха вспыхивает неожиданно в самых разнообразных ситуациях и терзает человека изнутри даже тогда, когда он убежден, что ему ничего не угрожает. Страх перед смертью не может быть устранен сознательным незнанием и иллюзиями, ибо незнание и иллюзии не могут устранить самого факта смерти. Желание забыть об этом, бегство от того, о чем мы не желаем ни думать, ни помнить не могут рассматриваться как средство *ликвидации* страха. Наоборот: это стремление – наиболее «эффективное» средство *увеличения* страха, поскольку в сознании запечатлевается то, о чем человек не хочет помнить и думать. Можно не думать о смерти, но нельзя освободиться от чувства страха. Страх – постоянная печать на человеческой жизни.

Следующий способ мнимого преодоления смерти – понимание ее как перехода в иной мир. Мысль о смерти тесно связана с *химерой бессмертия* – одной из самых великих химер человека.

Отношение человека к природе базируется на принципе отрицания природы. Все усилия человека направлены на эмансипацию от природных связей и зависимостей. Человек – наиболее хрупкое и достойное сожаления природное существо. Но оно является и наиболее высокомерным: «Человек видит и чувствует, что он помещен среди грязи и нечистот мира, он прикован к худшей, самой тленной и испорченной части вселенной, находится на самой низкой ступени мироздания, наиболее удаленной от небосвода, вместе с животными наихудшего из трех видов, и, однако же, он мнит себя стоящим выше луны и попирающим небо»⁷. Мир собственных иллюзий кажется человеку более привлекательным, чем действительный мир. Мир иллюзий образует источник и базис чувства собственного достоинства и ценности и является предпосылкой укрепления человеческого стремления к бессмертию.

Тщеславие и упоение собой как исключительными предметом вселенной побуждает человека искать и создавать *способы продолжения индивидуального бытия* за рамки его земного существования. Человек приписывает себе исключительную ценность в мире природы. Он убежден в том, что ценность человека превыше всего существующего, что он должен защищать эту ценность. Человек не может согласиться с тем, что ценность человека разрушается вместе со смертью его как единичного индивида.

Монтень многократно подчеркивает абсурдность человеческого высокомерия. По сути дела человек не властен ни над собой, ни над природой. Он не знает и не стремится узнать законы, движущие универсумом, и в то же время полагает, что мир создан исключительно для человека.

Какова же цена человеческого высокомерия, самомнения и самонадеянности? Удел человека – непостоянство, неопределенность, нерешительность, печаль, предрассудки, вымышленные и иллюзорные блага. Но даже эти блага, как правило, располагаются в будущем, а за него никогда окончательно нельзя поручиться. Поэтому верное понимание смерти – основание для постановки проблемы о ценности человека. Если жизнь понимается как вневременное существование, то человек опять-таки

---

⁷ Там же, с.392.

противоречит самому себе, поскольку отрицаются ценности мирской, брэнной, посясторонней жизни. Вера в бессмертие, вопреки видимости, не возвышает человека над собой, но способствует моральной деградации и бесправию человека.

По Монтеню, стремление к бессмертию – это не только отрицание естественной жизни и условий жизни на земле. Само стремление к бессмертию есть выражение высокомерия, самомнения и ханжества человека. Данные свойства человеческой природы способствуют деформации человеческого восприятия действительности: она рассматривается с такой и только такой точки зрения, которая утверждает человека в мысли, что все на земле происходит ради человека.

Наиболее полное выражение такая позиция человека в отношении действительности получила в *религии и религиозной вере в бессмертие*. Вера в бессмертие – фундаментальная посылка любых, особенно развитых, форм религии. Но религиозная вера в бессмертие, подобно религиозной вере в целом, весьма сомнительны.

Согласно Монтеню, то, что люди считают религиозной верой, на деле является фикцией. Религия и религиозная вера – это только способ удовлетворения своих личных страстей и интересов. Религиозные войны на рубеже Возрождения и Нового времени – наиболее яркий пример мирского содержания религии и, следовательно, абсурдности религиозной веры самой по себе. Религиозность сводится к тому, что один вид людей убеждает других в то, что он верует в то, во что в действительности не верит. Другие люди – таких большинство – заставляют себя верить, но не в состоянии понять, что означает вера и акт веры.

Мнимость и ложность религиозной веры наиболее ярко проявляется в страхе верующих перед смертью. Если бы люди принимали обещания вечного счастья и вечной жизни как обычное философское доказательство, то смерть не казалась бы им столь страшной, как это есть на самом деле. Между тем верующие, особенно в старости, боятся смерти больше, чем безразличные по отношению к вере люди. Проблема греха, искупления грехов, воздаяния и вечной награды за достойную жизнь, типичные для христианской религии, базируются на приписывании богу человеческих чувств и реакций, что противоречит фундаментальной идее христианства о боге, как творце мира, ответственного за свое творение. Таким образом, человек понимает религию по-человечески, т.е. сообразно его интересам, страстям и иллюзиям. Религиозные пути – это только человеческие пути.

Идея бессмертия противоречит смертной природе человека. Если на человека взглянуть без излишнего пиетета, то в нем нет ничего, что не было бы связано со смертью, тлением и прахом. Бессмертие души – фикция, ибо опыт доказывает единство души и тела. Аргументируя эту мысль, Монтень оперирует собственными наблюдениями, а также положениями, почерпнутыми из «Природы вещей» Лукреция. Самые незначительные изменения в нашем теле обуславливают изменение наших понятий и суждений. В человеке нет ничего, что было бы только духовным или только телесным. Душа без тела, а тело без души не могут существовать. Смерть души или тела равнозначна смерти другого элемента. Разделяя взгляды Эпикура и Лукреция, Монтень считает, что смерть означает полное уничтожение человека. То, что прекратило существовать, уже не существует и никогда не возродится в том же самом

виде и форме.

Подобно религии, *философская мысль* стремится преодолеть смерть. Рациональные мифы философии строятся на иных посылах и принимают иную форму, нежели религиозные мифы, но отсюда не следует, что философия вообще не является мифом.

Конечно, сфера воздействия философии намного уже, чем сфера воздействия религиозных верований. Философия стремится упорядочить мир и сделать его понятным, фиксируя связи элементов мира. Философия стремится понять смерть как момент жизни, определяет надлежащее место смерти в человеческой жизни. С помощью философии смерть становится более понятным и менее страшным фактом. Философия сообщает человеку уверенность и учит не бояться смерти. Вся человеческая мудрость и разум направлены на то, чтобы научить человека не бояться смерти.

Однако убеждение в определенности мира и человека, вырабатываемое философией, является только свидетельством безумия и окончательной неопределенности. Философия в целом есть нагромождение противоположных взглядов и мнений, обоснованных вполне добротнo. Достаточно принять одну из философских посылок или принципов – и на этой основе можно строить все, что угодно. Поэтому и философия не может обосновать с абсолютной достоверностью критерий отличия истины от лжи. Тем самым философия становится таким же свидетельством ограниченности человеческого разума, как и сам разум. Философский способ «преодоления» смерти базируется на посылах, обосновать которые невозможно с помощью конечного и смертного человеческого разума.

То же самое можно сказать о тех способах «преодоления» смерти, которые обосновывают необходимость активного участия человека в *общественной жизни*.

Человек стремится освободиться от страха перед смертью и потому направляет свою мысль в будущее. Человек никогда не пребывает в самом себе и никогда не тождествен самому себе. Опасения, стремления и надежды способствуют активной деятельности человека во имя будущего. Одновременно всякая форма стремления к будущему замутняет сознание и оценку настоящего. Стремление к будущему есть только способ позабавиться тем, что будет, когда человека уже не будет. Смерть никогда не является ближайшим и непосредственным предметом человеческого размышления. И обыденное, и философское мышление избегают постановки вопроса о смерти. Надежды на лучшую жизнь или славу в будущем отвлекают внимание человека от настоящего. Стало быть, сам факт конструирования таких надежд доказывает, что человек стремится избежать нищеты и бессмысленности его актуальной жизни.

Человек стремится продлить и воплотить свое индивидуальное существование в общественном бытии. Общественное бытие – это способ продления индивидуального существования человека. Составной частью этого бытия выступает слава. Желание славы и стремление человека к ней не менее сильно, чем желание спасения и стремления человека к вечной жизни. Но основанием стремления к славе является тот же самый страх, лишь в другом обличье. Человек страшится того, что он будет забыт потомками. Стало быть, стремление к славе – продукт неумеренной заботы человека о самом себе. Слава – это блестящая этикетка, не имеющая ничего общего с сущностью человека, но, однако, определяющая человека как общественное существо.

Вместо познания себя человек стремится к тому, чтобы его знали другие люди. Погоня за славой есть только погоня за чертом и за молвой. Слава отравляет жизнь человека и лишает его разума. Многие философы провозглашали, что нет ничего более пустого, чем слава. Однако это не помешало им самим стремиться к славе. Отсюда следует, что забота человека о земном, социальном бессмертии вырастает на той же почве, что и религиозная вера в бессмертие души - высокомерия и самомнения человека.

Соотношение страдания и смерти

Описывая различные формы стремления к бессмертию, Монтень ставит вопрос: если люди стремятся избежать мысли о смерти, то чего они боятся – собственной смерти или своих представлений о ней?

При ответе Монтень, как страстный коллекционер, регистрирует различные виды смерти. Он описывает смерть королей, императоров и героев в единстве с обстоятельствами и подробностями их кончины, отмечает необычные желания умирающих людей. Обширный каталог смертей, который можно обнаружить на страницах «Опытов», приводит Монтеня к обычному выводу: умирают старые и молодые, по причине болезни, а также неумеренных дружеских или любовных объятий. Смерть может быть случайным результатом игры, неосторожности, упадка духа и т.п. Для одних людей потеря чести невыносимее смерти. Другие желают и стремятся к смерти как условию достижения определенных благ или избавления от страданий. Монтень проводит различие между мгновенной смертью (в бою) и длительной смертью, обретающей самосознание (смерть Сократа), описывает обычаи индусских жен и невест, которые считают честью лишиться себя жизни после смерти мужа или любимого. В данном случае смерть принимается весело, а не только мужественно.

Многообразный эмпирический материал позволяет заключить, что люди переживают смерть по-разному. Если бы смерть была совершенно внешней и независимой по отношению к человеку, то страх перед нею был бы в *равной степени* присущ всем людям. Но опыт убеждает, что степень страха перед смертью различна. Следовательно, люди боятся не столько смерти, сколько собственных представлений о ней: «Но кто же не знает, что та самая смерть, которую одни зовут ужаснейшей из всех ужасных вещей, для других – единственное прибежище от тревоги здешней жизни, высшее благо, источник нашей свободы, полное и окончательное освобождение от всех бедствий? И в то время, как одни в страхе и трепете ожидают ее приближения, другие видят в ней больше радости, нежели в жизни»⁸.

То же самое можно сказать и о страдании – чистилище перед смертью. Но есть и существенное *отличие* страдания от смерти: свидетельства чувств при страдании более достоверны, чем ощущения, связанные со смертью. Монтень считает, что страдание переносить трудно лишь тогда, когда мы связываем с ним представление о смерти. Как правило, люди охотнее сознаются в страданиях, чем в страхе перед смертью. Если страдание не связано с возможностью потери жизни, такие страдания люди переносят

---

⁸ Там же, с.48.

легко.

Нетрудно убедиться, что *разум* углубляет ощущение боли и наслаждения. Многие люди стремятся к страданиям, если страдание рассматривается как условие достижения каких-либо других ценностей (например, добродетели). Разум углубляет наше ощущение боли и страдания, но он же заставляет относиться к ним безразлично. Представления о страдании тяжелее самого страдания. Представления о смерти тяжелее самой смерти. Представление о своих собственных похоронах, о плаче и страдании родных и близких, ощущение печали и горя в большей степени значимы для человека, чем смерть.

Таким образом, страдание и смерть всегда соотносены с человеком и обладают только такой ценностью, критерий которой находится в самом человеке: «Судьба не приносит нам ни зла ни добра, она поставляет лишь сырую материю того и другого и способное оплодотворить эту материю семя. Наша душа, более могущественная в этом отношении, чем судьба, использует и применяет их по своему усмотрению, являясь, таким образом, единственной причиной и распорядительницей своего счастливого или бедственного состояния»⁹.

Война как социальный источник смерти и страданий

Война – это институт легального убийства. Она образует важную сферу социального опыта смерти и страданий человека.

Во время войны люди находят для обоснования смерти самые непосредственные, практические причины. Ситуация противоборства, итогом которой является смерть одного из соперников, может быть использована для объяснения войны как факта человеческой жизни и истории. Убивая врага, мы тем самым определяем ему «справедливое наказание». Смерть на войне выступает как мера наказания человека. Понимание и толкование смерти как мести и наказания сохранило свое значение среди наиболее цивилизованных народов и обществ. Но эти критерии применяются для оценки смерти врагов. Когда убивают нас самих или наших соратников по борьбе, мы оцениваем смерть в категориях героизма и долга. Таким образом, на войне смерть для обеих сторон становится понятной и даже желаемой, поскольку образует источник и основу других ценностей.

Монтень рассматривает войну как необъяснимый и страшный парадокс социальной жизни человека. Он считает убийство всегда и везде бесчеловечным. Никакие возвышенные и гуманные цели не могут оправдать убийство. Понятность и самоочевидность войны как социального явления может лишь означать только то, что оно должно быть подвергнуто тотальной критике.

Целые главы «Опытов» направлены против жестокости вообще и жестокостей войны в особенности. Эти главы написаны со страстью публициста. Монтень указывает, что в гражданской войне католики и протестанты пользуются различными и, на первый взгляд, взаимоисключающими идеями, мотивами, призывами и лозунгами. Однако те и другие ведут себя в одинаковой степени жестоко и несправедливо. Поэтому трудно поверить в прокламируемые различия вер и убеждений.

---

⁹ Там же, с.65.

Последствия войн всегда трагичны. Войны увеличивают размеры человеческих страданий и несут с собою ненужную смерть. А страдания и смерть человека независимы от символов веры и лозунгов, которые используются для оправдания целей войны и необходимости убийства масс людей. Монтень страстно протестует против жестокостей войны, одичания людей и культивирования зверских обычаев во время войны: «Я не в состоянии был поверить, пока не увидел сам, что существуют такие чудовища в образе людей, которые готовы убивать ради удовольствия, доставляемого им убийством, которые рады рубить и кромсать на части тела других людей и изощряться в придумывании необыкновенных пыток и смертей; при этом они не получают от этого никаких выгод и не питают вражды к своим жертвам, а поступают так только ради того, чтобы насладиться приятным для них зрелищем умирающего в муках человека, чтобы слышать его жалобные стоны и вопли. Вот поистине вершина, которой может достигнуть жестокость: чтобы человек, не побуждаемый ни гневом, ни страхом, убивал другого, только чтобы полюбоваться этим»¹⁰.

Если страдания и смерть превратились в повсеместное явление и норму человеческого общения, то это значит, что таким образом люди стремятся преодолеть смерть и достичь бессмертия. Единичная смерть ужасает человека. Но массовая смерть на войне никого не ужасает. По Монтеню, в этом состоит *противоречие войны*, которое не фиксируется обыденным сознанием. Разрешение на убийство, приказ убивать, привычка к убийству в человеческом обществе находят самые возвышенные аргументы для доказательства допустимости и желаемости смерти. Осознание данного противоречия невозможно для человека, вовлеченного в процесс обоюдных убийств, и одновременно стремящегося к бессмертию. Убийство в человеческом обществе стало обычной им привычной формой человеческой деятельности. Обыденность убийства означает, что это действие совершается чисто автоматически, без какой бы то ни было рефлексии. Убийство – это понятная и всегда оправданная смерть «других» людей. Война – средство превращения убийства в форму человеческой деятельности.

Природа, смерть и разум

Мнимость противоположности между человеком и смертью обусловлена тем, что человек относится к собственным иллюзиям как к реальной действительности. Он не может согласиться с конечностью своего существования. Отбрасывает сознание смерти и заменяет его разными иллюзиями бессмертия. Они базируются на страхе, надежде и самомнении человека, в результате чего отрицается то, что неизбежно. Свои дела и заботы человек рассматривает с точки зрения будущего и даже вечности.

Констатация смерти как природного явления требует изменить характерную для человека точку зрения на действительность и на себя самого. По Монтеню, *ошибка* человека заключается в том, что он все сводит к самому себе и все сосредоточивает в самом себе. На этом основании человек делает вывод, что его смерть – достойное внимания звезд и великое событие. Иллюзия *величия* заставляет человека забыть о том, что каждая особь рода человеческого совершенно незначительна по отношению к миру природы. Для устранения этой иллюзии необходимо осознать природу в целом и

---

¹⁰ Там же, с.376-377.

частях, увидеть в природе себя и осознать тот грустный, но несомненный факт, что каждый из нас, а также все прошлые, настоящие и будущие поколения людей, государства и другие виды человеческой общности – только мельчайшие частицы, пылинки в мире природы. Если человек способен осуществить такую мыслительную процедуру – он создает предпосылки для постижения действительного соотношения вещей, явлений и процессов, для самоопределения и самосознания.

Только природа, а не знание, в состоянии дать подлинную картину соотношения вещей, явлений и процессов. На этом основании Монтень *противопоставляет* природу разуму. Разум, которым постоянно пользуются люди, включен в повседневность и всегда склонен видеть различия и новизну там, где их практически не существует. Разум не оставляет в человеке и следа природы. Разум не только затемняет действительный облик природы, но и совершенно скрывает природу от человека, поскольку создает искусственные представления о ней. А только то, что выступает в величии и блеске учености, способно вызвать признание людей. Сам человек – вполне искусственное и сделанное на показ создание, поскольку оно преисполнено веры в величие.

Однако человек не может освободиться от страха – неизбежного и закономерного продукта веры человека в свое величие. Страх препятствует человеку осознать себя как *часть* природы. Монтень не приписывает природе определенных свойств и считает, что законов природы не существует. Он не принимает идеи о *разумности природы*, присущей великим умам Возрождения. Мы не знаем и не можем знать, чем является природа. Но отсюда не следует, что мы не должны рассматривать природу как спектр *возможностей*, которые в ней дремлют и могут воплощаться в разнообразные формы. По Монтеню, в этом и заключается наиболее достоверное знание о природе, которым может и должен обладать человек.

Монтень избегает метафизических спекуляций о природе, широко распространенных в его эпохе. Он отрицает также представление о высшем смысле и цели природы. Развивая идеи Лукреция, Монтень стремится обосновать все материалистические тезисы, содержащиеся в поэме Лукреция «О природе вещей». Наиболее значимым он считает представление Лукреция о единстве души и тела и *смертной связи* между ними. Представление о бесконечности и множественности миров, сформулированное Эпикуром и Лукрецием, также принимается и разделяется Монтенем. Это представление, по его мнению, перечеркивает определенность любого знания, сводит к нулю универсалистские тенденции человеческого знания, уничтожает высокомерие и самомнение человека. Движение, изменчивость, бренность, процесс – основной спектр понятий, которые использует Монтень при описании сущности мира. Постоянство и устойчивость в действительности являются изменчивостью и непостоянством вещей, а постижение процессов – чрезвычайно трудная задача для человеческого ума. Человек созерцает и воспринимает только крохотную часть мира, а мир в целом не доступен восприятию человека. Если бы человек мог в одно и то же время воспринимать доступную и недоступную наблюдению части мира, – он был бы в состоянии увидеть процессы возникновения и разрушения природных форм.

Человеческий разум с его стремлением к объяснению, поиску причин и целей природных явлений и процессов препятствует культивированию искусства видения

мира в его движении и изменчивости. Изменчивость бытия и времени, определяющих бытие, Монтень противопоставляет взгляду о неподвижной вечности мира. Сущность всех вещей – переход из одного состояния в другое. Но разум ищет устойчивое и повторяющееся. Такая установка разума не дает возможности постичь ни движение, ни покой. В природе все вещи либо закончили свое существование, либо еще не обрели окончательной формы, либо начали умирать прежде, чем возникли. Основные предикаты тел природы – рождение и смерть. Нет ничего, что было бы устойчивым, постоянным, тождественным самому себе. Природа есть вечный процесс изменений.

Отсюда вытекают важные следствия для определения места человека в мире. Восприятие мира в целостности и непосредственной действительности – предпосылка постижения факта смерти. Человек – часть природы. Поэтому смерть – часть бытия человека. Осознание смерти должно быть частью жизненного процесса и процесса осознания жизни. Смерть необходимо принять столь же естественно, как принимается жизнь.

Простота данных утверждений не означает, что они легко постижимы. Практическая реализация данных постулатов затруднена тем, что простые и самоочевидные явления и знание о них облачаются в ученую форму. Между тем только в таких утверждениях скрывается мудрость ребенка и Сократа, печальная и веселая мудрость. Уроки умирания и смерти, сообщаемые знанием, бесполезны и опасны. В воображении смерть представляется как нечто ужасное и сверхъестественное. Таким образом знание выковывает оружие борьбы со страхом перед смертью. В этом и заключается порочный круг человеческого познания смерти: постоянное сознание смерти сообщает ей статус *цели*, а не конца жизни. Уже сам процесс подготовки к смерти вызывает страх и вынуждает человека тратить время и силы на борьбу со страхом.

Стало быть, те лекарства от смерти, которые вырабатываются разумом и знанием, хуже болезни и самой смерти. Природа не нуждается в подобных ухищрениях. Природа учит не думать о смерти, а принимать ее как неизбежный, но не трагический акт. Монтень отмечает тесную взаимосвязь жизни и смерти. Если человек не умел жить – глупо учить его умирать, ибо такая учеба базируется на противопоставлении части целому. Если человек смог прожить свою жизнь мужественно – то он и без науки умрет мужественно. Природа ведет к смерти незаметно и ласково. Поэтому искусство умирания и смерти есть только разновидность искусства жизни. Причем, это наиболее легко постижимая разновидность искусства, если разум не придает ей особого значения. Природа не может внушать человеку чувство страха и ненависти к смерти. Смерть – лишь момент в бесконечном процессе создания вещей природы и человеческих поколений. В конечном итоге смерть в большей степени служит рождению и новой жизни, чем гибели. Смерть – лишь начало новой жизни, ибо человек одинаково *плачет* при появлении на свет и уходе из мира.

Неизбежно потрясение, связанное со смертью. Но обусловленное фактом смерти страдание вполне переносимо, если воображение не преувеличивает размеры этого страдания. Стремление к совершенному освобождению от страданий в той же степени противоестественно, как и стремление избежать смерти. Признание своего действительного места в мире тождественно согласию на страдания. На земле нет

места для удовольствий. Только скотские и ангельские души способны относиться к жизни как бесконечному процессу удовольствий и наслаждений. Не надо ни стремиться к удовольствиям, ни стремиться избегать страданий. Одно без другого невозможно. Устранение способности ощущать наслаждение и боль тождественно отрицанию человека в целом.

Стремление к смерти в природе вещей. Поэтому человек должен освоиться со смертью и с мыслью о ней. Проявления панического страха, как и стремление доказать свое мужество перед смертью, одинаково опасны и излишни в данной сфере человеческой жизни и опыта. Человек стоит один на один со *своей* судьбой. Поэтому нет никаких оснований осуществлять какие-либо действия только по той причине, что это делают другие люди. Жизнь и смерть – это не роль в коллективном представлении или мистерии. Жизнь и смерть – это игра, правила и процесс которой всецело принадлежат единичному индивиду.

Поэтому отношение к смерти должно быть освобождено от любых иллюзий. Выработка «идеального» отношения человека к смерти означает, что с предметов, людей и отношений между ними должны быть сняты любые покровы. Жизнь – это только маска, за которой скрывается смерть. Цель человека – мужественно относиться к смерти, но мужественно перед самим собой, а не перед другими людьми. Смерть на миру отнюдь не красна, ибо в этом случае отношение человека к смерти не свободно от иллюзий. Каждый человек должен выработать свои собственные, непосредственные, глубоко интимные формы контакта со смертью и мыслью о смерти. Человек не должен забывать о смерти в повседневной жизни, но он не должен и бояться смерти. Человек должен жить не только без печали, но и без забот.

Согласно Монтеню, только такое отношение человека к миру достойно уважения. Отношение к миру тождественно отношению к смерти. В отношении к смерти субъективировано отношение человека к миру. Такое понимание смерти вытекает из любви к жизни и из готовности человека принять все, что несет с собою жизнь. В этом смысле смерть – наиболее оболганная часть человеческой жизни – становится абсолютным критерием действительного значения человеческой аутентичности.

Смерть как критерий человеческого «Я»

Согласие со смертью дает возможность обрести *особый опыт жизни*, который становится основанием специфической шкалы моральных ценностей.

Утверждение смерти как части жизни есть утверждение аутентичности человеческого «Я», поскольку оно связано с признанием в собственной брэнности, незнании и бессилии. Сознание смерти становится основанием *чувства солидарности и равенства* с другими людьми. Сознание смерти связывает индивида с общностью и обществом в целом. Согласие со смертью – основание сознательного участия человека в универсальных процессах. Сознание смерти – основание чувства связи с миром как процессом непрерывного движения и изменения, рождения и смерти.

Признание и утверждение смерти как части жизни есть предпосылка действительной свободы человека не только от страха смерти, и от страха жизни. Разнообразные зависимости и привязанности, в которых находится человек (семья,

сообщество, государство), и чувства, которые он испытывает (любовь к членам своей семьи, дружбы по отношению к другим людям, любви к родине и т.д.), теряют свое значение. Тот, кто научился умирать – тот разучился служить и прислужничать, разучился верности и верноподданности по отношению к сильным мира сего. Согласие разрубить гордиев узел, связывающий человека с жизнью, перечеркивает любые обязательства человека.

Сознание смерти означает также освобождение человека от иллюзий и позволяет ему острее видеть преходящий характер и мнимость многих ценностей. Если человек согласится со своей смертной природой и, что наиболее важно, осознает смерть как часть жизни, то окажется, что многие из сфер человеческой деятельности и активности потеряют смысл, который им извечно приписывается: «Мы рождаемся для деятельности: я хочу, чтобы смерть застигла меня посреди трудов. Я хочу, чтобы люди действовали, чтобы они как можно лучше выполняли налагаемые на них жизнью обязанности, чтобы смерть застигла меня за посадкой капусты, но я желаю сохранить полное равнодушие и к ней, и, тем более, к моему не до конца возделанному огороду»¹¹.

Сознание смерти позволяет сохранить дистанцию по отношению к собственным действиям, мыслям и оценкам. Достигнутая таким образом свобода означает прежде всего свободу от иллюзий. Освобождение от иллюзий тождественно познанию себя и самосознанию. Сознание смерти – средство возврата человека к самому себе из мира судорожной, торопливой активности, стимулируемой страхом перед смертью, средство видеть себя таким, каким ты есть: слабым и незащищенным, но достигшим самосознания себя и своей судьбы. Речь идет о создании такой человеческой культуры, которая располагается *вне* сферы желаний и действий человека. Так понятая культура заключается в том, что человек ведет поиск своей сущности не в процессах преобразования мира и формирования других людей, а в процессе создания своего собственного внутреннего оригинального мира. Этот мир базируется на осознании и распрямлении всей духовной культуры в единстве с осознанием своей бренности и мимолетности.

Утверждение смерти возвращает человека к самому себе. Сознание скоротечности жизни есть предпосылка осознания длительности жизни и основа более полного ощущения радости жизни.

Выводы

Изучение «Опытов» Монтеня с точки зрения поставленных в начале статьи проблем показывает, что философии Монтеня может рассматриваться как попытка формулировки в рамках светской этики принципов и оснований *героического* отношения человека к смерти. Надежды человека, которые выходят за рамки его актуального и смертного существования, необоснованны. Не существует таких потенциалов, которые могут реализоваться в будущем.

Эти послышки философии Монтеня не могут рассматриваться как собственно философские, поскольку человек описывается в категориях, отражающих его

---

¹¹ Там же, с.82.

эмпирическое бытие. Действительность вне отношения человека к ней не обладает никакой ценностью. Действительность – это сфера существования такого добра и зла, которое постигнуто и воплощено человеком. Земная жизнь – единственная реальность человеческого бытия.

Соотнесение человека со смертью – необходимая онтологическая и гносеологическая процедура, позволяющая определить действительное место человека в мире и тем самым достичь самосознания. Протест против смерти – средство ухода человека в сферу незнания и иллюзий. Мегаломания человека – источник такого протеста. Подверженность иллюзиям закрывает возможность самосознания. Надетая человеком маска превращается в его лицо. Знание, которым гордится человек, бесполезно и ложно.

Вместо попытки бегства человека от мира и от самого себя Монтень стремится сформулировать принцип *утверждения* человека и мира, в котором живет человек. Человек должен мужественно довериться природе, т.е. принять свою жизнь такой, какой она есть. Человек смертен и должен отбросить всякие мысли о спасении души и вечной жизни, отвергнуть любые надежды, питающие эти мысли. Страдания и печаль, но не отчаяние, – вот действительная участь человека.

Человек должен научиться жить без какой бы то ни было поддержки со стороны надежды и прочих иллюзий, порожденных мыслью. А это значит – *жить по-человечески*. Чтобы достичь самосознания (т.е., знания о собственном незнании), человек должен понять и отвергнуть все свои слабости. Каждый человек, даже совершенно необразованный, может достичь самосознания собственными усилиями. Истина находится в человеке, а не в ученых книгах. Самостоятельность мышления – доказательство особого достоинства человека. Мысль о достоинстве человека в философии Монтеня переплетается с мыслью о хрупкости, ничтожности и бренности человека.

Смерть – фундаментальный факт человеческой жизни – не требует комментариев и доказательств. Различные отрасли человеческого знания стремятся затемнить и извратить этот факт. Признание и утверждение смерти – необходимый элемент самосознания. Постоянная мысль о смерти – результат и условие аутентичного существования человека, в котором смерть и рождение в равной степени единственны и неповторимы.

На наш взгляд, изучение философии Монтеня показывает также, что концепция карнавального мировоззрения как атрибута народной культуры средневековья и Возрождения, сформулированная М.Бахтиным, нуждается в дополнительных аргументах. То, что М.Бахтин приписывает народной культуре, вполне можно обнаружить в текстах образованных людей того времени. Правда, аргумент «от Монтеня», видимо, значим в той степени, в которой мы изучаем его творчество с философской точки зрения. Если «Опыты» рассматривать как художественное произведение – они вполне подтверждают концепцию М.Бахтина.

Литература

Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и ренессанса. М.: 1965.

Горфункель А.Х. Философия эпохи Возрождения. М.: 1980.

Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. М.: 1972.

Монтень М. Опыты. Кн.1-2. М.: 1979.

References

Bakhtin, M.M. *Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kul'tura Srednevekov'ya i renessansa* [Creativity Francois Rabelais and Folk Culture of the Middle Ages and the Renaissance]. Moscow: 1965. (In Russian).

Gorfunkel, A.Kh. *Filosofiya ehpokhi Vozrozhdeniya* [The Philosophy of the Renaissance]. Moscow: 1980. (In Russian).

Gurevich, A.Ya. *Kategorii srednevekovoj kul'tury* [Categories of Medieval Culture]. Moscow: 1972. (In Russian).

Montaigne, M. *Opyty* [Experiments]. Vol.1-2. Moscow: 1979. (In Russian).

The Problem of Death and Immortality of Man in the Works of M.Montaigne

Makarenko V., Southern Federal University, Rostov-on-Don

Abstract: The article shows that the philosophy of Michel Montaigne can be viewed as an attempt to formulate, within the framework of the secular ethics, the principles and foundations of a person's heroic attitude to death. Man's hopes that go beyond his current and mortal existence are unfounded. There are no such potencies that can be realized in the future. According to the author of the scientific text, the parcels of Montaigne's philosophy cannot be regarded as philosophical proper, since a person is described in categories reflecting his empirical being. Reality outside the relationship of man to it does not have any value. Reality is the sphere of the existence of such good and evil, which is comprehended and embodied by man. Earthly life is the only reality of human existence. The study of the philosophy of M.Montaigne also shows that the concept of the carnivalistic worldview as an attribute of the folk culture of the Middle Ages and the Renaissance, formulated by M.Bakhtin, needs additional arguments. The fact that M.Bakhtin attributes to folk culture can be found in the texts of educated people of that time. True, the argument "from Montaigne", apparently, is significant to the extent that we study his work from a philosophical point of view. If "Experiments" are viewed as a work of art, they fully confirm the concept of M.Bakhtin.

Keywords: M.Montaigne, problem of death and immortality of Man, culture of Middle Ages, thinking experience, M.Bakhtin, carnival culture